

¹¹ Danielou J. Указ. соч. С. 192.

¹² См.: Athanasius, archiep. Alexandrinus opera omnia // Patrologia cursus completus. Series graeca / Ed. J.-P. Migne. Paris, 1844. Vol. 28.

¹³ См.: Иже во святых отца нашего Иоанна Дамаскина точное изложение православной веры. М., 1844.

¹⁴ Прокѣтителѣ нан ѡкланеніе ереси жидокстѣицихѣ. Твореніе преподобнаго ѡца нашего Іосифа Нгумена Волоцкаго. п. Изд. 2-е. Казань, 1882. С. 4а.

¹⁵ «Он был неправедно убит, и Его душа, скрывавшая в себе потаенное Божество подобно тому, как **наживка скрывает** на удочке **крючок**, была сведена во ад дьяволом и смертью, которые собиравшись **поглотить** душу Его, как душу одного из праведников, – и были **пронзены чудесной** молнией Его Божества... Как рыбаки надевают червя-**приманку** на крючок, чтобы поймать рыбу в глубине, – так и Христос облекся в Плоть, которая была как **приманка на удочке**, и поймал врага добротворной мудростью. Так хитроумно был пойман лукавый змий, так Христос избавил род человеческий от дьявола и от мучительства его» (Просветитель. Творение святого преподобного Иосифа Волоцкого / Перевод Е.В.Кравец, Л.П.Медведевой. Издательский отдел Спасо-Преображенского Валаамского ставропигиального монастыря, 2003 [репринт]. С. 175).

¹⁶ См.: *Асатангелос*. История Христианского просвещения Армении (на древнеарм. яз.). СПб., 1835.

¹⁷ «Et il est exact que l'exégèse rabbinique pratiquait un littéralisme parfois mesquin et inintelligent. A cela Justin oppose la recherche de la signification figurative des personnages et des institutions qui constitue le sens vrai et caché des Ecritures. Cette exégèse figurative est chez lui dans le prolongement de la typologie du Nouveau Testament et du judéo-christianisme. Il souligne qu'il ne s'agit pas d'un symbolisme du texte, mais de celui des événements ou des institutions eux-mêmes. Ceci distingue radicalement la typologie de Justin de l'allégorie hellénistique» (Danielou J. Указ. соч. С. 188–189).

¹⁸ Просветитель. Творение святого преподобного Иосифа Волоцкого... С. 183.

¹⁹ Прокѣтителѣ нан ѡкланеніе ереси жидокстѣицихѣ. Твореніе преподобнаго ѡца нашего Іосифа Нгумена Волоцкаго. С. 4г–4д. «Не отойдет скипетр от Иуды и законодатель от чресл его, доколе не придет Тот, Которому принадлежит царство, и Он – надежда народов». **Он справедливо сказал «народов», а не «иудеев».** От пророчества Иакова до Христова Рождества прошло 1800 лет. Сначала Иудеи жили в Египте, после исхода из Египта до Саула у них начальствовали судьи, после, до вавилонского пленения, ими управляли цари, потом, до Христова Рождества, ими правили архиереи. Поэтому сказано: «Когда Иисус родился во дни царя Ирода Иудейского...». Уже **исчезли** из народа жидовского, собственно **из колена Иуды, цари** и властелины, и царствовал Ирод, который **не был жидом**, поэтому пришел Христос, «надежда **народов**». И он пришел в надлежащее предсказанное время, как свидетельствует Священное Писание, в особенности же патриарх Иаков: «Не отойдет скипетр от Иуды и законодатель от чресл его, доколе не придет Тот, Которому принадлежит...» (Просветитель. Творение святого преподобного Иосифа Волоцкого. С. 48.)

²⁰ Дьяченко Г.М. Полный церковно-славянский словарь. М., 2000 [репринт]. С. 395.

²¹ Прокѣтителѣ нан ѡкланеніе ереси жидокстѣицихѣ. Твореніе преподобнаго ѡца нашего Іосифа Нгумена Волоцкаго. С. 4а–на.

²² Моисей сказал: «Сохраните этот закон, который через меня дал Бог», и «когда войдете в землю обетованную, не делайте мерзостей, какие делали народы те. Пророка, как меня, воздвигнет вам Господь Бог Ваш. Всякий, кто не послушает того Пророка, исчезнет из рода людского». Он назвал Господа Иисуса Христа Пророком ради Его вочеловечения. Моисей сказал «как меня», сравнивая себя с Господом Иисусом не по природе, но по *действию*, ибо никто из пророков от Моисея до Христа не был законодателем. Моисей сравнил Господа Иисуса Христа с собой и назвал Его не только Пророком, но и Законодателем, как он сам, не для того, чтобы показать раба равным Владыке и творение – равным Творцу, но затем, чтобы сопоставить разные эпохи и прообразовательно возвестить истину. Моисей родился в Египте, и Господь родился в Вифлееме. Моисей – израильтянин, Господь тоже родился по плоти от Давида. Тогда, при рождении Моисея, фараон убивал детей; ныне, после Рождества Господа Иисуса Христа, Ирод убивает младенцев. Благодаря матери спасается от смерти Моисей, и Господь с матерью скрывается от Ирода. Моисей в корзине был брошен в реку, и Господь также был на берегах этой реки в Египте. Моисей был вскормлен женщиной-иноплеменницей, и Господь был воспитан в египетском городе. (Просветитель. Творение святого преподобного Иосифа Волоцкого. С. 38.)

И.Е. Дронов

Кандидат исторических наук,
доцент РГАУ-МСХА им. К.А.Тимирязева (Москва)

Учение о спасении преподобного Иосифа Волоцкого

Православное учение о спасении родилось и развивалось вместе с установлением и развитием самой Православной Церкви. В борьбе с ересями и лжеучениями в первые века христианства выкристаллизовывалась догматика. Великие отцы, поднявшиеся на брань с ересиархами и смутотворцами и отстаивавшие на Соборах правое понимание догматов веры, выяснившие и утвердившие содержание Христова учения как якоря спасения, явили и образец спасительного жития. Василий Великий, Григорий Богослов, Афанасий Великий, Иоанн Златоуст не только в своих речах и писаниях доказали и обосновали, как должно верить право, но и показали своим личным примером, как можно жить свято и согласно православной вере. Подвиг монашеский и стяжание Духа Святого в мироотречении, в чистоте и смирении всегда были доказательством истины православной веры никак не менее действенным и поразительным, нежели самая блестящая богословская диалектика. Подвиг этот запечатлен в житиях прославленных святых отцов, а опыт их закреплен в иноческих уставах в поучение и подражание всем христианам.

На православной Руси просияло немало подвижников и исповедников, но и среди них выделяется преподобный Иосиф Волоцкий (1439–1515), который, подобно отцам эпохи Вселенских соборов, проявил себя как искусный воитель за веру, обличитель еретиков и лжесловесников (памятником этой борьбы стал выдающийся в русской церковной литературе богословский трактат преподобного Иосифа «Просветитель»). Как инок, прославленный благочестием и чудесами, преподобный Иосиф предстает в Житиях, написанных одно учеником Преподобного Саввой Крутицким, а другое – неизвестным автором (предположительно – Львом Филологом), которые, по оценке В.О.Ключевского, принадлежат к числу лучших в древнерусской литературе¹. Известен он и как монастырначальник, обобщивший в «Духовной грамоте» (Уставе) и свой личный опыт, и богатейший опыт русских строителей общежительных монастырей от Феодосия Печерского до Сергия Радонежского и Кирилла Белозерского.

В середине XIX в., пытаясь выразить самую суть православного понимания пути спасения, А.С.Хомяков написал: «Мы знаем, когда падает кто из нас, он падает один, но никто один не спасается. Спасующийся же спасается в Церкви как член ее и в единстве со всеми другими ее членами. Верует ли кто, он

в общении веры; любит ли, он в общении любви; молится ли, он в общении молитвы»². Эту истину вполне постиг преподобный Иосиф Волоцкий, проходя первоначальный искус монашеского делания в монастыре Пафнутия Боровского (в 1460–1478 гг.). Основав в 1479 г. собственный монастырь Успения Пресвятой Богородицы на Волоке Ламском, преподобный Иосиф положил в основание его внутреннего обихода общежительные уравниательные принципы как наиболее удобопригодные для спасения: «В начале бо обещание Преподобного, еже никакоже кому свое имети, но вся обща, и в ястии и в питии всем равно, такоже и в одеждах и во обуцах, и по келиам ни ясти ни пити, разве немощи или старости, такоже и пианого питиа не держати»³. Эти принципы в неприкосновенности сохранялись до смерти преподобного Иосифа, их завещал он беречь братии и после своей смерти.

Очень важную роль в управлении жизнью своей обители отводил преподобный Иосиф дружному и деятельному соучастию в поддержании монастырского порядка и обихода всех до единого братьев, а не только руководителей: «Подобает братии спострадати отцу во всем: не всё бо в Настоятели лежит, но и во братии». Без единомыслия, духовного согласия и взаимопомощи настоятеля и братии ни работа, ни молитва, ни общежитие невозможны. «Больше вас, неже Настоятеля, да боится паче согрешивый, — обращается преподобный Иосиф к братии, — аще одинаго точию учителя боится, скорее согрешит; аще ли толиких отец и толиких уст боится, множае скутается [будет более осторожен]; аще бо видит согрешивый, яко запрещен бысть от Старейшаго, уласкан же от братий, ленивейши бывает. Сего ради егда Настоятель праведне запретит, согневаетеся и вы; аще ли же созижду аз, разрушиши ты, что успехом, разве труды?» Поэтому преподобный Иосиф наказывает братии во всем друг другу пособлять, приводя слова Ефрема Сирина: «Подобает нам, братие, яко да крепкий немощнаго подымет, прилежный пренемогающаго утешит, бдящий обдержимаго сном да воздвигнет, стройный нестройнаго да накажет, благоговейный безчиннаго да научит, воздержаяйся несомнящемуся да запрещает, здравый болящему да спостраждет; и тако себе содержаще, друг друга на полезное учаще, единодушно посраим сопротивника нашего, и Бога нашего прославим»⁴.

В первой главе монастырского Устава, очевидно, не случайно поставленной преподобным Иосифом на первое место, настоятельно подчеркивается, что богослужение в монастыре является главным делом монашеской братии. «Сего ради, — говорит преподобный Иосиф, цитируя Иоанна Златоуста, — прежде бо всего потщимся о сем, яко да купно егда клепание [благост] возгласит, тогда вся яже в руках наших обретшаяся вскоре отметнем, и с тщанием мнозем и усердием потеем к Божественному красному пристанищу церковному, яко Петр и Иоанн к гробу Господню». Преподобный Иосиф призывает братию стараться «преже всех тещи на молитву, и тако всегда в начале обрестися, и не ждати, дондеже сие или оно дело сотворити, и тако поити или яко, донележе прочии соберутся; но друг пред другом спешаще, яко же в расхищении плена [как будто вырвались из плена]». Ибо кто первый приходит на молитву, тот «паче обогатится небесным богатством»⁵.

Примечательно, что в этом пункте преподобный Иосиф идет вразрез с соответствующей нормой Устава Василия Великого (379). Устав великого каппа-

докийца послужил образцом для многих основателей и устроителей русских общежительных монастырей, в том числе и для самого преподобного Иосифа, который охотно заимствовал опыт святителя. Но только не в этом случае. Ведь Василий, в отличие от преподобного Иосифа, снисходительно относился к отсутствию инока на богослужении, если благост заставлял его «занятым делом в кладовой, или в поварне, или чем другим подобным этому». Труд на общее благо монастырской братии представлялся Василию столь важным делом, что ради него «позволительно увольнять себя от церкви, коль скоро нельзя иначе выполнить служения своего»⁶. Для преподобного Иосифа такой компромисс был неприемлем.

Бросая все труды и попечения, инок должен устремляться в храм, и здесь ему надлежит отрешиться от любых посторонних помыслов и всецело сосредоточиться на молитве. Выходить из церкви следует только по окончании службы, никакие разговоры во время нее, даже о неотложных нуждах, недопустимы, ибо нет таких дел, которые были бы важнее богослужения: «Кто каково дело делает и молитвенному часу приспевшу не оставит прилучшаго ему дела, сей от бесов обругаваем есть, — говорит преподобный Иосиф. — И якоже Каин первая убо себе, вторая же Богови принесе, отвержен бысть и неприят, такоже и ныне иже прежде хотяи суетныя и тленныя и земныя вещи управити, и того ради к началу Божественных пений не приходити, и сей отвержен от Бога бывает и мерзок»⁷.

В Уставе преподобный Иосиф акцентирует внимание иноков на заповеди нестяжательного жития: «Не собираем себе что сребролюбезно и вещелюбно: понеже ничто же внесохом в мир сей, яже, яко ни изнести что можем; но долетися сущими [удовлетворяться тем, что есть] и ничто же мним наша быти, и не бояться оскудения, или запустения, или нищеты, или злострадания, но благодарити Господа, понеже сам рекл есть: “Не оставлю тебе”». Заповедь «совершенного нестяжания» представлялась преподобному Иосифу краеугольным камнем спасения, поэтому он наказывал своим последователям добиваться, чтобы эта заповедь не только руководила сознательным поведением инока, но сделалась у него как бы безотчетным инстинктом: «Всею крепостию потщимся, — призывал преподобный Иосиф, — ошаятися сребролюбия же и ризного украшения и вещей пристрастия, и не точию же не имети стяжания, но ниже желати сего»⁸.

Великий сердцевед, прошедший полувековой искус монашеского жития, преподобный Иосиф глубоко прочувствовал евангельскую истину: «им же бо кто победится, тому и поработится; инок бо повинувыйся вещелюбию, сему и поработился есть». Преподобный был совершенно убежден в непреложности духовного закона, открытого Святыми Отцами. «яко удаляяйся от вещей, приближается ко безвещественному; любяй же вещи удаляется от безвещественнаго, сиречь от Бога; удаляющеися от Бога погибают»⁹.

Жития, описывающие быт Волоцкого монастыря, свидетельствуют о том, что предписания Иосифова Устава не были лишь благими пожеланиями, но точно отражали повседневный монастырский обиход. Старцы, пришедшие с преподобным Иосифом из Боровского монастыря, вспоминали о первых годах на Волоке Ламском, что тогда «еще бысть трапеза древяна, церкви теплыя не бе, и у обедни стояще доблии Христови страдальцы в единой ризе, шуб никако-

же не имея ни един. И бысть некогда зима вельми студена и великокразна, яко и птицам зябнути; они же тако стояху, якоже и лете [летом], поминая кождо несогретый тартар; и тако терпяще до отпуску Божественные литургии». В те времена все они ходили «в лычных обуцах [лаптях] и в плаченных ризах [заплатанной одежде], аще от вельмож кто, от князей, или от бояр: на всех равна одежа и обуца, ветха и много плаченна»¹⁰.

И позднее, несмотря на значительное улучшение материального состояния Иосифовой обители, монахи по-прежнему придерживались крайне аскетичного образа жизни. В повседневной практике настоятель сам первый подавал пример умеренности и самоограничения. По своей одежде он ничем не выделялся среди других иноков: «Ризы же ему беаху не многоценны, ни украшены, но паче простые и сукняны, по всему иже под ним братии подобны, множицею же и пошвены с заплатами ношаше, ветхим им сущим. Слугование же ему ни единому ни от кого же бываемо, уравниая по всему братии».

И хотя, как отмечает составитель жития преподобного, Иосиф имел в им основанном монастыре полную возможность «возлеже и покоя восприима», тем не менее отнюдь не прохладжался, но, отдав распоряжения и распределив работы между братьями, сам брался за тот или иной тяжелый труд: «Но егда приспеваше коя служба временем своим, поставленному же брату над службою приемшу повеление и возглашяшу братию к работе, сам отец прежде всех к работе на труд обреташеся и со всеми работающими, яко един из них, повиняшеша служение, и рукама своима равно с иными приемля, и на раму [плечи] свою прежде иных воздвижа, и не яко отец посреди братства видяшеша, но яко един от раб, или наемник, работая добре и прилежне»¹¹.

Труд в Иосифовом монастыре считался обязательным для всех, кроме немощных и больных. Никаких поблажек в работе для богатых и знатных постриженников не допускалось. Как свидетельствует одно из житий Преподобного, «ниже бо иже с имением и богатством пришедши ослабы и покоя наслажахуся у него, ни иже от нищеты и убожества постризаемии работою и служением удручахуся, ни вельможие предпочитаемии бываху и слугуемии паче менших и смиренных, но вси уравнихуся братьским именем, и вси любовным сами себе покарями законом, и вси единому игу послушания подклонени, и единым ярмом повиновениа затязаемии и вси потягяху бремя смирения и трудолюбия». Только в таком равенстве трудов и тягот, носимых во взаимной любви, смиренности и воздержании, могли иноки «навыкать братожизнию», в котором видел преподобный Иосиф Волоцкий идеал монашеского общежития¹².

В заботе о меньшей братии преподобный Иосиф видел главное назначение любого руководителя и единственное оправдание его власти, данной Всевышним. В своем Уставе он высказывает твердое убеждение в том, что «истязан имать быти Настоятель о всех иже под ним сущих; и аще может отсеци их от зла, и не отсекает, кровь их от руку его Бог възыщет». Подчиненный же обязан лишь послушанием, «вся с благословением и повелением Настоятеля своего творяй, и ниже смерти бояся: во время смерти бо не он, но Настоятель истязан будет»¹³.

Тот же принцип преподобный Иосиф распространял и на светских властителей, не уставая напоминать им в беседах и в письмах о том, что их высокое положение не льгота и привилегия, а служба и обязанность. В своей социальной

философии преподобный Иосиф исходил из фундаментального принципа равенства всех христиан: «Вси есми создание Господне, вси плоть едина, и вси миром едином помазани, и вси в руке Господни», и всех в равной степени ждет страшный и нелицемерный Божий суд. Следовательно, каждый имеет равное право на жизнь и на пропитание, независимо от своего имущественного положения и социального статуса, а потому любому господину «подобает своя клеветы пожаловати, и милость к ним показати, и пищу и одеждоу удоволить, и иными всякими нужными потребамии упокоити». Таких добрых властителей ожидает «милость от Господа Бога Вседержителя в сем веце, и в будущем царстве бесконечное». И напротив, «есть беда велика и страшна и мучение бесконечное, еже не пекутся, ни имеют печали о домашних своих сиротах, но токмо делом насилующе и ранами казняще, одеяния же и пища не дающе и голодом моряще, а душами их не пекущеша еже о спасении, но гордящеша и желающе суетнаго и тщетнаго жития»¹⁴.

Спасение может быть только общим. Для преподобного Иосифа неприемлем путь личного спасения наособицу. Только вместе, заедино, помогая друг другу, молясь все за всех, можно войти в Царствие Небесное. В общежитии монастыре, разумеется, гораздо легче достичь того единодушия и целеустремленности в деле всеобщего спасения, которые бы могли стать прообразом спасительного единения всего христианского мира. Потому-то столько усилий положил преподобный Иосиф на укоренение строгого общежития в своем монастыре. В своем Уставе он посвятил яркие и проникновенные строки изображению того святого, поистине братского, единства, к установлению которого он стремился в отношениях иноков между собой и в отношениях между настоятелем и братией. Именно таким, по убеждению преподобного Иосифа Волоцкого, и был изначальный замысел Всевышнего о человеке: «Наставник бо аще опасством [попечением] навршае еже от Бога законная, ничто же ино разве Господа нашего имея лице, и ходатай Богу и человеком бывает, священнодействуя Богови покаряющихся ему спасение, любовь же и смирение и единомыслие, отгоня же мятеж и любопрение, обща же творя всяческая, душа и телеса и нравы, и елицеми питаются и покоят, общий Бог, общии благочестивии подвизи, общии труди, обще спасение, общии венцы. Что сего блаженнейши, и что душам и телесем сего радоснейши, человецы от различных родов и стран собрашася в толико единение и любовный союз соединишася, яко единой души во мнозех телесех видетися? Боляй телом многи имать соблезнующа, недугуяй многи имать исцелевающих, друг другу работающе, друг другу повинующеша. Таковыя изначала хотящи нас Бог быти: сии опаснии [ревностные] подражателние Спасу и того во плоти жительству подобящеша, сии Ангельстии жизни подобящеша, сии Ангельстии жизни поревноваша; несть бо в Ангелех распря, ни зависти, ниже ненависти, но все в себе доброе хранят и невещественно имут стяжание и мыслено богатство: тако и сии ничто же свое имущи, но вся Божия и друг друга; сии убо совершенное нестяжание и всяку добродетель исправиша».

Спасение, по убеждению преподобного Иосифа Волоцкого, не только легче достигается общими усилиями, но и кратчайший путь к нему пролагает забота о спасении ближнего. «Ничто же бо сего честнейши, ниже душам что есть полезнейши, но еже хотети брата своего пользы яко своя, и спеху его

яко своего», — говорится в Иосифовом Уставе¹⁵. А в предисловии к монастырскому Синодику Преподобный развивает эту мысль: «Хочет бо сице благолюбивый Бог молим и просим быти, и дати твари Своей, еже ко спасению просимая, и тогда паче всячески преклоняется, не егда кто точию о своей душе подвизается, но егда и о искренем [ближнем] се творит», поэтому «всяк, кто о искренего спасении подвизаяся, первые себе помазует, потом же искреннего»¹⁶.

Преподобный Иосиф Волоцкий выдвигает идею о соборности спасения, ибо сам себя спасти человек не может в силу отягощенности первородным грехом: «Понеже никто же безгрешен и никто же чист от скверны — вси бо согрешихом и помощи требуем от Божественна и священна службы и Животворяща Жертвы плоти и крови Господа нашего Иисуса Христа»¹⁷. Не путем накопления «добрых дел» на персональном счету возможно спастись, а только посредством взаимопомощи между людьми, их общих усилий в любви и заботе друг о друге и в надежде на беспредельное милосердие Христа Спасителя: «Свидетельствуют люди, просвещенные Богом: при последнем издыхании как на весах измеряются дела человека. Если перетянет правая сторона, то явлено, что умерший достоин стояния справа; если обе стороны равны, то перетягивает Божие человеколюбие, если же левая сторона немного перетягивает, то и тогда Божия милость дополнит правую чашу. Суд Владыки тройственен: во-первых, это суд праведный, во-вторых — человеколюбивый, в-третьих — преблагод»¹⁸. Поэтому в своей Духовной грамоте преподобный Иосиф Волоцкий решительно заключает: «Еже убо всем бесстрастным быти немощно есть, а еже всем спастися возможно есть»¹⁹.

На твердом убеждении в том, что Церковь Христова есть Церковь не только живых, но и мертвых, а Господне милосердие не имеет пределов, преподобный Иосиф основывает свою веру в возможность всеобщего спасения. Ведь даже когда человек умер в состоянии греха, его участь еще не предрешена, если живые позаботятся о его спасении. Потому-то все православные «должны всяко тщание и попечение имети, еже и по смерти себе же и друг другу помощь сотворити священной и Божественною Жертвою, плотию и кровию Владыки Христа»²⁰. «Каждый человек, — утверждает преподобный Иосиф, ссылаясь на Иоанна Дамаскина, — если он получил малую закваску добродетели, но не успел сделать хлеб — хоть и желал, да не мог или по лености, или из-за небрежения, или по слабости воли, или потому, что откладывал со дня на день, — а все же, достигнув кончины, получит награду за одну надежду свою: не забудет его праведный Судия и Владыка и воздвигнет после его смерти того, кто восполнит не сделанное им». Очень важно верить, что «Господь не только в этой жизни спасает за праведные дела, покаяние и веру — и после смерти Преподобный и Милостивый Господь и Бог наш спасает через милостыню и совершение Святых Божественных Таинств. Это приносит большое облегчение и великую милость усопшим». Поэтому «доныне спасаются бесчисленные множества людей благодаря Его милосердию и милости: одни — богоугодной и чистой жизнью, другие — покаянием и слезами, третьи — теплой, несомневающейся верой, четвертые же после смерти получили милость благодаря молитвам, совершению Божественных Таинств и милостыни, подаваемой нищим»²¹.

Преисполненный этой верой, преподобный Иосиф Волоцкий сделал свой монастырь одним из крупнейших центров поминальной практики на Руси²². Под руководством настоятеля в монастыре была разработана четкая система повседневного поминовения. Лица, внесшие в обитель крупный вклад, денежный или имущественный (100 рублей и больше), поминались на литургии и других службах ежедневно; меньшие вклады давали право на повседневное поминовение в течение определенного количества «урочных лет». Все остальные за любой вклад (это могли быть книги, хлеб, скот, одежда и т. п.) вносились в ежегодный поминальный список (синодик) навечно, «доколе монастырь Пречистые стоит». Этот помянник читался не ежедневно, но лишь в определенные дни года (Дмитровская суббота, мясопустная, все субботы Великого поста, кроме Лазаревой и Похвалы Пресвятой Богородицы, Троицкая родительская суббота). В том случае, если умирал кто-либо из монастырских насельников или трудников, не имевший никакой собственности, «тех и даром пишут в синодик [синодик] да и в годовое поминовение», так как «на нищих бог не истязует, а богатый кождо по своей силе истязан будет»²³.

В Синодик Иосифо-Волоколамского монастыря только за годы управления Преподобного было внесено на вечное поминовение несколько тысяч имен — от членов семьи государя всея Руси и вселенских патриархов до простых иноков и землепашцев.

Полученные по вкладам средства расходовались на содержание монастыря и широчайшую благотворительность согласно сформулированному преподобным Иосифом Волоцким правилу: «Церковное богатство — нищих богатство, и сирот, и старости, и немощи, и в недуг впадших; нищих прекормление, странным прилежание, сиротам и убогим промышление, вдовам пособие, и девицам потребы, обидимым заступление, в гладе прекормление; худобе умирающим покровы, и гробы, и погребание; церквам пустым и монастырем подъятие, живым прибежище и утешение, а мертвым память»²⁴. Потому-то, как писал преподобный Иосиф в одном из своих посланий, «в нашем монастыре обычей: сколько Бог пошлет, столько и разайдется»²⁵.

Преподобный Иосиф Волоцкий строго-настроено наказывал своим преемникам не забыть поминовением и молитвой ни одну душу христианскую: «Си же пишем вам, пастухом, рекше, игуменом и учителем Христова стада, иже кто мних [монах] паствы ваша нищетою духовною живя преставится от жития сего, не глаголите: “Не дал клада, не пишем его в поминовение”, — то уже несте пастыри, но наимници и мздоимци». Священник, пренебрегающий обязанностью творить поминовение по всем, внесенным в синодик, «сам непомяновен будет пред Богом»²⁶. Таким образом, главный принцип в сoterиологии преподобного Иосифа Волоцкого был таким: каждый отдавал все, что мог, в надежде получить одно и то же равное для всех — спасение души. В Волоколамском патерике говорится о равенстве всех спасающихся во Христе, независимо от количества «заслуг» каждого: «Один уподобился солнцу, другой луне, иной же большой звезде, некоторые малым звездам, — но все пребывают на небе»²⁷.

Преподобный Иосиф настаивал, чтобы не был забыт и брошен на произвол судьбы никто, вплоть до самого последнего безымянного горемыки, вплоть до самого отчаянного грешника, если в нем сохранилась хотя бы одна

искра Божья. «На это говорит дьявол: если это так, то все спасутся и никто не согрешит. Но это и хорошо, — восклицает преподобный Иосиф, — преблагой Господь желает, хочет, стремится, радуется, веселится, если никто не согрешает против Его Божественных даров!» Преподобный был глубоко убежден, что «Единый Естеством, Великодаровитый, Преблагой Человеколюбец Бог желает и хочет, чтобы все спаслись и никто не грешил! Как радуется и веселится Преблагой Господь о том, что никто не погибнет!»²⁸ «Я дерзаю утверждать, — говорит преподобный Иосиф, — что Он примет и кающегося дьявола»²⁹.

Учение преподобного Иосифа о всеобщем спасении близко к учению об апокатастасисе (восстановлении), наиболее отчетливо сформулированном в некоторых трудах восточных отцов Исаака Сирина (VI–VII) и Максима Исповедника (580–662)³⁰. Однако сотериологические искания преподобного Иосифа Волоцкого вполне самостоятельны, поскольку соответствующие труды Исаака и Максима лишь недавно были переведены на русский язык³¹. Преподобный Иосиф их не знал. Отличительной чертой сотериологии преподобного Иосифа является активизм и практическая направленность, вдохновляемые его верой в «самовластную» и «обладательную» природу человека³², то есть в присущую ему свободу воли, которая предполагает решающее значение волевого усилия каждого в его нравственном выборе и деятельном соработничестве Богу. А когда личного волевого усилия оказывается недостаточно, его восполнит соборное усилие Церкви как единства всех верных — и живых, и мертвых...

Примечания

¹ Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1989. С. 292–293.

² Хомяков А.С. Сочинения в двух томах. Т. 2: Работы по богословию. М., 1994. С. 19.

³ Житие преподобного Иосифа Волоколамского, составленное Саввою, епископом Крутицким. М., 1865. С. 23.

⁴ Духовная грамота преподобного игумена Иосифа // Древнерусские иноческие уставы. М., 2001. С. 119, 121–122, 128–129.

⁵ Там же. С. 189.

⁶ Устав св. Василия Великого // Древние иноческие уставы. М., 1892. С. 294–295.

⁷ Послания Иосифа Волоцкого. М.: Л., 1959. С. 298–299. Ср.: *Преподобный Иосиф Волоцкий*. Просветитель. М., 1993. С. 205–207.

⁸ Духовная грамота преподобного игумена Иосифа. С. 77–78, 111.

⁹ Там же. С. 97.

¹⁰ Житие преподобного Иосифа Волоколамского, составленное Саввою, епископом Крутицким. С. 25–26.

¹¹ Житие преподобного Иосифа Волоколамского, составленное неизвестным. М., 1903. С. 25–26.

¹² Там же. С. 24.

¹³ Духовная грамота преподобного игумена Иосифа. С. 58, 117. Ср.: Лествица преподобного отца нашего Иоанна Лествичника (4:50). С. 40.

¹⁴ Послания Иосифа Волоцкого. С. 153.

¹⁵ Духовная грамота преподобного игумена Иосифа. С. 114, 119.

¹⁶ Синодик Иосифо-Волоколамского монастыря (1479–1510-е годы). СПб., 2004. С. 151–152.

¹⁷ Там же. С. 130.

¹⁸ *Преподобный Иосиф Волоцкий*. Просветитель. С. 113.

¹⁹ Духовная грамота преподобного игумена Иосифа. С. 80. Ср.: Лествица преподобного отца нашего Иоанна Лествичника (26, 82). С. 189.

²⁰ Синодик Иосифо-Волоколамского монастыря. С. 131.

²¹ *Преподобный Иосиф Волоцкий*. Просветитель. С. 112–114.

²² См.: Алексеев А.И. Под знаком конца времен. Очерки русской религиозности конца XIV – начала XVI в. СПб., 2002. С. 148–163.

²³ Послания Иосифа Волоцкого. С. 181.

²⁴ См.: Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901. Приложения. С. 144.

²⁵ Послания Иосифа Волоцкого. С. 182.

²⁶ Синодик Иосифо-Волоколамского монастыря. С. 97–98.

²⁷ Волоколамский патерик // Древнерусские патерики. М., 1999. С. 188.

²⁸ *Преподобный Иосиф Волоцкий*. Просветитель. С. 113–114.

²⁹ Там же. С. 359.

³⁰ См.: Епископ Диоклийский Каллист (Уэр). Смеем ли мы надеяться на спасение всех? Ориген, Григорий Нисский, Исаак Ниневийский // Учение о спасении в разных христианских конфессиях. М., 2007. Учение об апокатастасисе Оригена (185–254), отягощенное ложной гностической премудростью, было осуждено V Вселенским собором в 553 г.

³¹ См.: *Преподобный Исаак Сирин*. О Божественных тайнах и о духовной жизни. Новооткрытые тексты. М., 1998. С. 194–195, 200–201, 210–215 и др.; *Преподобный Максим Исповедник*. Вопросы и затруднения. М., 2008. С. 67–70.

³² Просветитель, или Обличение ереси жидовствующих. Творение преподобного отца нашего Иосифа, игумена Волоцкого. Изд. 3-е. Казань, 1896. С. 90.